

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ при ЦК КПСС
ПО ДЕЛУ МАЛЕНКОВА Г.М.

от 4 июля 1958 года.

Председательствующий тов. ШВЕРНИК Н.М.

ШВЕРНИК. Начнем, товарищи. Мы хотим сейчас послушать тов. Парфентьева о том, как были обнаружены в сейфе Суханова рукописи Маленкова об организации особой тюрьмы КПК при ЦК КПСС.

ПАРФЕНТЬЕВ. (начальник Московского уголовного розыска).

В мае 1956 года меня вызвал т. Булганин к себе и поставил в известность о том, что была совершена кража облигаций и других ценностей на сумму свыше 100 тысяч рублей. Мне было поручено вести следствие по этому делу. По делу были арестованы заведующий секретариатом т. Маленкова Суханов и референт Чечеткина. Суханов подтвердил, что были изъяты вещи, в том числе облигации, которые он похитил во время ареста Берия. Суханов сослался на то, что у него имеются все переписанные номера облигаций и документов, которые хранятся в сейфе. Я получил разрешение от т. Булганина осмотреть сейф. Наряду с этими документами, поскольку сейф был очень большой, в отдельной папке лежали 4 документа: первый документ - о создании особой тюрьмы для так называемых "политических заключенных". В этом документе были помечены такие заметки: тюрьма должна содержать 30-40 человек, не больше, в случае чего для быстрой эвакуации этих арестованных. Там же были помечены следователи Никифоров и Захаров, которые должны были вести следствие и там же 2 человека указаны - Клейменов - сотрудник МГБ и Шестаков. Клейменов был назначен начальником этой особой тюрьмы.

Второй документ в виде конспекта с вопросами и ответами. Вопросы имели содержание контрреволюционного порядка, например: признаете ли вы себя виновным в контрреволюционной деятельности. Ответ: признаю. И последовательно 15-20 вопросов на трех листах от блокнота.

Следующий документ был обнаружен в этой же папке - справка за подписью сотрудника МГБ Климкина с разработками на руководящий состав Красной Армии, который подозревался в шпионской и контрреволюционной деятельности, с указаниями количества томов 55-58, в том числе на Ворошилова, Жукова, Буденного и ряд других товарищей. И рукопись с поправками т.Маленкова о формировании нового правительства от 4 марта 1953 года, такие документы были обнаружены.

Мы посоветовались с т.т.Коробовым, Панасенко и Скрипченко, которые осматривали в моем присутствии сейф, куда эти документы сдать. Было принято решение, чтобы эти документы показать т.Булганину и сделать то, что он прикажет. Он приказал написать 2 докладные записки: первый документ об особой тюрьме, второй - на конспект и формирование правительства. Докладную записку подписали работники Совета Министров т.т.Коробов, Панасенко и Скрипченко. Докладную записку об агентурной разработке за подписью Климкина подписал я один. Тов.Булганин заинтересовался, что это за особая тюрьма при КПК ЦК ВКП(б), ему об этом не было известно, вообще не было известно о происхождении этого документа, который был найден в сейфе. После этого разговора эти документы с докладными записками были переданы мной в присутствии т.т.Панасенко, Скрипченко, Коробова и начальника охраны Безрука т.Булганину в его рабочем кабинете. В числе тех документов было много и других документов. Поскольку позже мне стало известно, часть документов вернули, а эти документы остались. После я этих документов не видел.

Особая тюрьма существовала на улице Матросская тишина, дом № 18 на базе тюрем УМВД г.Москвы. В этой тюрьме жестоко избивался и содержался бывший секретарь ЦК партии т.Кузнецов. Мне пришлось разговаривать с лечащим врачом т.Кузнецова, который мне говорил, что т.Кузнецов оглох от сильных побоев.

ШВЕРНИК. Кто же это сделал?

ПАРФЕНТЬЕВ. Мне неизвестно, мне запретили заниматься этим делом. Я занимался делом Суханова.

Со слов Суханова известно, что в 1953 году во время ареста Берия был изъят протокол допроса Ежова на Маленкова. После того как Маленков вернулся с пленума ЦК в свой рабочий кабинет, он потребовал протокол допроса и после этого протокол допроса не возвращался и судьба его мне неизвестна. Со слов Суханова мне известно, что т.Маленков этот протокол допроса уничтожил.

Мне кажется, т.Шаталин, который производил обыск и изъял этот протокол допроса, поступил неправильно. Этот протокол должен был быть сдан в ЦК или в комиссию, которую возглавляли Руденко, Серов и другие. Этот протокол, однако, исчез и его до сих пор нет.

В части особой тюрьмы, в части содержания т.Кузнецова и других. Эта тюрьма действовала в 1950-1951гг.

КОМАРОВ. Когда она была открыта?

ПАРФЕНТЬЕВ. Примерно в 1950 году в связи с "ленинградским делом". После этого там сидел Абакумов несколько времени, потом его перевели в другую тюрьму.

Особенно меня поразило конспект порядка допросов. Что это за порядок? Заранее готовить вопросы и ответы для допроса "политических заключенных". В практике не было, чтобы для любого уголовного заранее готовились вопросы и ответы.

Мне кажется, что т.Маленков лично должен нести персональную ответственность за эти документы. Нельзя руководителю советского государства готовить вопросы и ответы в угоду себе. Это чисто антипартийное поведение т.Маленкова. Иначе это нельзя рассматривать. Если бы это сделал рядовой работник, то его посадили бы и осудили за это дело, а эти документы готовит руководитель советского государства. Тов.Маленкову разве нечего было делать, как организовывать особую тюрьму, заранее готовить вопросы и ответы? Неужели т.Маленкову нечего было делать, как заниматься особой тюрьмой?

Особая тюрьма была организована при КПК Центрального Комитета.

Т.т.Вознесенский и Федосеев (документы которых были обнаружены в сейфе) просили разобраться в их невиновности, а т.Маленков учинил допрос т.Федосееву здесь, в ЦК. Куда же жаловаться, когда т.Маленков сам организовывал тюрьму, сам допрашивал.

Я задал вопрос Суханову (по просьбе т.т.Булганина и Дудорова) о происхождении этих документов, почему они так составлены. К этим документам имел доступ узкий круг. К ним имел доступ Суханов, Маленков и Петраковский, 3 человека знали о существовании этих документов. Потом об этих документах мы узнали, когда узнали и передали т.Булганину.

Те показания, которые давал в свое время Суханов в части избияния кадров по Армении и Белоруссии, вы их слышали, товарищи доклады вали об этом, как жестоко уничтожался советско-партийный актив. За это, безусловно, должен нести персональную ответственность

т.Маленков и никто другой и вместе с этим должны понести ответственность те, кто помогал в расправе, а они живут и работают сейчас в органах Министерства государственной безопасности, которые здесь, в здании ЦК, участвовали при допросах. В помещении Центрального Комитета партии переодевали работников в форму НКВД и в помещении ЦК допрашивали.

ШВЕРНИК. Кто это делал?

ПАРФЕНТЬЕВ. Я не знаю по чьему указанию это было, а был переодет Захаров, насколько мне известно.

ШВЕРНИК. Маленков вел допрос?

ПАРФЕНТЬЕВ. Да, Маленков. Он спрашивал у присутствующих, в частности, у Никифорова, как я хорошо веду допрос? Как я допрашивал Федосеева?

ШВЕРНИК. Что вы скажете, т.Маленков?

МАЛЕНКОВ. Я говорил по поводу документов по особой тюрьме и по поводу протоколов допроса Ежова.

По первому документу могу сказать следующее, что такой документ был, написан моей рукой, он был написан под диктовку.

ШВЕРНИК. Под чью диктовку?

МАЛЕНКОВ. Под диктовку т.Сталина. Я помню, что эта была обстановка, когда он не верил Абакумову, и это у меня осталось в памяти. Затем он звонил Шкирятову и я помню, что Шкирятов знал об этом. Говорилось, что при КПК должна быть учреждена особая тюрьма.

Я сейчас не могу вспомнить относительно записей моей рукой, но я помню относительно вопросов и ответов, я всячески стараюсь восстановить в памяти, что это за такой документ. Здесь называл товарищ, что это "Памятка следователю". Может быть, это был конкретный протокол на Федосеева, который имелся уже у т.Сталина. Может быть, это материал, связанный с делом Федосеева. Тов.Сталин сам допрашивал один раз Федосеева, а может быть и не один раз. Затем он поручил мне допрашивать Федосеева. При допросе присутствовали и другие лица. Никифоров об этом может сказать.

Насчет переодевания я совершенно не в курсе дела, ничего не могу сказать. Никаких указаний на этот счет не давал. Было ли переодевание или нет, я не вспоминаю, в форме сидели или нет - я не помню. Кто здесь присутствовал, я не знаю, может быть вспомнят другие. Кажется, что был еще кто-то из руководящих товарищей. Я не хочу лишнего говорить, может быть вспомнят те, кто присутствовал.

Затем эти документы были у меня. Я взял их, когда выступал на пленуме ЦК. Я их в это время имел при себе.

ШВЕРНИК. Вы не говорили по существу этих документов.

МАЛЕНКОВ. Я упоминал, держал их для себя.

ШВЕРНИК. Стенограмма есть.

МАЛЕНКОВ. Я сослался на них. Во всяком случае имел при себе. Документы были написаны моей рукой и я считал, что это мои документы.

КУЗНЕЦОВ. Вам их Булганин отдал? Парфентьев говорит, что он отдал Булганину их, а Булганин вам.

МАЛЕНКОВ. Да, по-моему у него были сняты копии этих документов.

ШАТАЛИН. К вам поступил подлинник или копия?

МАЛЕНКОВ. Подлинник. Я бы их вернул, но я был исключен из состава членов Центрального Комитета партии, затем я к себе не возвращался.

ШВЕРНИК. Как же не возвращался, на протяжении всего пленума?

МАЛЕНКОВ. Я говорю только о последнем заседании.

ШАТУНОВСКАЯ. Куда вы их дели?

МАЛЕНКОВ. В точности я не скажу, что их уничтожил, но когда я уехал в Казахстан, то многие бумаги были на даче, в том числе и эти, наверное, я их уничтожил. Когда буду в Казахстане, я взгляну, но я допускаю, что они могли быть уничтожены, хотя я точно знаю эти документы, что они были, я не отрицаю это.

ШВЕРНИК. Как вы могли уничтожить такие серьезные документы?

МАЛЕНКОВ. Меня исключили из членов ЦК, у меня было такое состояние. Одним словом, бесспорно несу ответственность.

ШВЕРНИК. Вы скажите, что вы скрыли.

МАЛЕНКОВ. Мне нечего совершенно скрывать, тем более, что я был убежден, не исключаю, что есть копия этого документа. Может быть и сейчас есть копия этого документа. Мне скрывать нечего. Об этом все знают. Должен сказать следующее в порядке своей защиты. Об этом было написано заявление Сухановым года полтора-два назад после его ареста. Он написал такой документ в адрес т.Хрущева. Этот документ был разослан членам Президиума ЦК. Там упоминался этот и ежовский документ. Этот документ обсуждался. Тогда сказано было, что это известно, объяснений не потребовали. Я этот документ называл, он где-то есть, я не проверял и там должно быть упомянуто. У меня в памяти осталось, что упоминался этот и другой документ.

ШВЕРНИК. Какой документ?

МАЛЕНКОВ. Документ, который писал Суханов. Это было, я тогда был министром электростанций и членом президиума ЦК.

ШВЕРНИК. К вам эти документы привозили?

МАЛЕНКОВ. Я говорю о другом документе. Я говорю о документе Суханова, где он говорит, что я взял ежовский протокол.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Там только было упоминание, а существо не было сказано.

МАЛЕНКОВ. Я хочу сказать другое. Я тогда был министром электростанций и членом Президиума ЦК, когда это заявление прислал в ЦК арестованный Суханов, он меня обвинил, что имелся такой документ. Я тогда приезжал, мне можете не верить. Мне сказали, что никаких объяснений не надо и на заседании Президиума не будем ставить этот вопрос, а разослали всем членам Президиума. Об этом было задолго известно, это было тогда, когда я работал в Министерстве электростанций.

ШВЕРНИК. Вы о другом документе говорите. Там есть упоминание об этом документе.

МАЛЕНКОВ. До этого за год, полтора, было известно о таких документах и в чем меня обвиняют, но тогда не придали этому значения.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Вы должны сказать, где эти документы?

МАЛЕНКОВ. Я уже сказал, больше сказать ничего не могу. Я не исключаю, а скорее всего, они вместе с другими документами, видимо, были уничтожены.

ШВЕРНИК. Расскажите о существовании этих документов.

МАЛЕНКОВ. 4 или 5 пунктов моей рукой написаны. Относительно создания нового правительства я сказал. Так именно это и было. Второй документ - памятка следователю - моей рукой на маленьких листках был написан, его называют "Памятка следователя". Этот документ мною написан. Тогда мне его диктовал т. Сталин. Это было одновременно, я связываю это. Это была, возможно, не диктовка. Тов. Сталин просил записать то, что лично ему отвечал Федосеев на допросе. Он, безусловно, мне диктовал. Он допрашивал лично Федосеева. Сталин сообщил мне об этом, чтобы я знал. Памятка совершенно ничемная.

ШВЕРНИК. Памятка по существу относилась не только к Федосееву, она была предназначена для следователей особой тюрьмы, которую вы создали.

МАЛЕНКОВ. Нет никакого смысла ни в вопросах, ни в ответах.

ШВЕРНИК. Речь идет о том, что создается тюрьма, место, о котором говорил т. Парфентьев, — известно, к тому же вы там допрашивали Кузнецова.

МАЛЕНКОВ. Я не допрашивал Кузнецова.

ШВЕРНИК. А у нас имеются данные, что Кузнецов там был.

МАЛЕНКОВ. Кузнецова я принимал здесь, в ЦК.

ШВЕРНИК. Кузнецов же сидел в тюрьме. Его допрос вел не только какой-то представитель прокуратуры или КГБ, а вы вели допрос.

МАЛЕНКОВ. Нет, Николай Михайлович, я там не был.

КОМАРОВ. Где его арестовали?

МАЛЕНКОВ. Вы же сами рассказывали.

ПАТУНОВСКАЯ. Вы скажите, как его арестовали?

КОМАРОВ. Расскажите, где его арестовали?

МАЛЕНКОВ. Кузнецов был вызван сюда, в аппарат ЦК, на Старую площадь. Не я один присутствовал, а присутствовали и другие.

ПАТУНОВСКАЯ. Кто?

МАЛЕНКОВ. Из секретарей ЦК я не хочу называть кто, возможно, ошибусь. Был я. Указание арестовать секретаря ЦК я не мог дать.

КОМАРОВ. Он при вас арестовывался?

МАЛЕНКОВ. Да.

ШВЕРНИК. Речь идет о том, что вы вели допрос Кузнецова.

МАЛЕНКОВ. Не вел допроса.

ШВЕРНИК. Как же так, была организована тюрьма, вы ездили в тюрьму.

МАЛЕНКОВ. Я говорю, что ездил в тюрьму вместе с Булганиным к брату Вознесенского, мне поручил Сталин. Вот и все. Кузнецова я не допрашивал.

БОЙЦОВ. После того как Кузнецова арестовали, вы его не допрашивали?

МАЛЕНКОВ. Я его не видел.

БОЙЦОВ. С арестованным вы не встречались?

МАЛЕНКОВ. Нет не встречался.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. А почему же врач показывает, что Кузнецова избивали?

МАЛЕНКОВ. Абсолютно это исключено.

КОМАРОВ. Секретарь Абакумова — Кузнецов говорит, что вы ездили в особую тюрьму вместе с Булганиным.

МАЛЕНКОВ. Вы спросите Булганина, кого мы допрашивали.

ШВЕРНИК. Мы Булганина спросим.

МАЛЕНКОВ. Я не помню, чтобы я избивал, не было таких случаев. Это я исключаю совершенно.

КОМАРОВ. Ездили без хвостовых машин.

МАЛЕНКОВ. Тов. Сталин сказал: вы поезжайте туда и допросите в тюрьме, где они были.

ШАТУНОВСКАЯ. Куда?

МАЛЕНКОВ. В тюрьму. И допросить брата Вознесенского, это интересно Сталина.

АЛФЕРОВ. А вопросы и ответы имели смысл? Такие же протоколы составлялись и по Армении и по Белоруссии заранее, что должны делать следователи.

МАЛЕНКОВ. Это был наверняка допрос Федосеева т. Сталиным.

АЛФЕРОВ. Как человек мог сказать - я враг? Федосеев не мог сказать, что он враг без принуждения.

БОЙЦОВ. Федосеев нигде не признавался, что он являлся шпионом. Федосеев жаловался на то, что его били. Он жаловался на то, что в особой тюрьме, где он сидел, были созданы такие условия, когда из разных углов все время был шопот, шорох, кто-то все время говорил: "признайся, признайся, ты предатель". Он спать из-за этого не мог, переходил из одного угла в другой. Федосеев вам об этом говорил, когда вы его допрашивали?

МАЛЕНКОВ. Да, докладывал.

БОЙЦОВ. Но он не жаловался, что его били.

МАЛЕНКОВ. Я был бы очень рад, если бы я нашел этот документ. Тогда было бы все ясно. Я знаю одно, что это продиктовал Сталин и рассказал мне относительно Федосеева. И тогда было ясно, что у него было недоверие к Абакумову. Позднее была создана комиссия, я председательствовал в этой комиссии. Относительно Абакумова был обстоятельный разговор в присутствии многих товарищей. Я знал тогда, что Сталин не доверял ему.

АЛФЕРОВ. Когда Федосеева допрашивали, то участвовали следователи тюрьмы. Если вам поручил т. Сталин побеседовать с ним, вы вызвали бы его.

МАЛЕНКОВ. Они были работниками аппарата. Это было в маленькой комнате Оргбюро.

АЛФЕРОВ. Они были работниками аппарата, но были в другой форме.

ПАРФЕНТЬЕВ. Вы же вызывали начальника тюрьмы Клейменова, инструктировали, вызывали Шестакова - инструктировали его?

МАЛЕНКОВ. Да.

ШВЕРНИК. Вы сейчас отрицаете, что особая тюрьма была организована Вами.

МАЛЕНКОВ. Нет.

ШВЕРНИК. А там инструктировали кадры?

МАЛЕНКОВ. Когда создавалась эта тюрьма, я приехал от т. Сталина. Он вскоре вызвал меня, назвал одного-другого, кажется, был Шкирятов. Шкирятов поэтому был достаточно осведомлен, что была тюрьма.

ПАРФЕНТЬЕВ. С установкой правительственных телефонов.

МАЛЕНКОВ. Да, правильно.

ШВЕРНИК. Правительственный телефон был поставлен в тюрьме, очевидно, потому, что вы и Шкирятов были руководителями тюрьмы?

МАЛЕНКОВ. Не так, зачем это нужно, я в таком положении сейчас.

ШВЕРНИК. Вертушку - правительственный телефон для кого в тюрьме поставили?

МАЛЕНКОВ. Для начальника тюрьмы.

ШВЕРНИК. Вы же ездили туда и для этого телефон поставили там.

МАЛЕНКОВ. Теперь по второму документу. Здесь присутствует т. Шаталин, пусть он скажет, так как здесь ссылались на т. т. Шаталина и Дедова, что они передавали мне документ. Мне лично не передавали его. Я говорю следующее, что этот документ, протокол, или заявление, о котором сейчас говорят, он мог быть уничтожен со всеми документами вместе по решению Президиума ЦК.

ШВЕРНИК. Это к какому времени относится, примерно?

ШАТАЛИН. К 1953 году.

ПАРФЕНТЬЕВ. К 1955 году.

ШВЕРНИК. Куда же делся протокол допроса Ежова о Маленкове. Кто его просматривал, читал?

МАЛЕНКОВ. Я говорил и говорю следующее, чтобы меня поняли. Если бы я хотел заполучить такой документ и знал бы о нем, то я мог бы уничтожить его незамедлительно, как только мне его показали. Мне этот документ товарищи не давали, этот документ дали Суханову. Когда мне Суханов показал? Если он мне показал тогда же, в 1953 году, то вскоре были все эти документы уничтожены. Об этом было сказано на Президиуме ЦК - не просматривать и не читать, уничтожить. Поверьте, зачем мне его хранить столько времени, если я его опасался. Как только бы мне его показали, я бы его забрал и уничтожил. Все дело в том, что мне его товарищи не давали. Теперь

Суханов говорит, что этот документ потом я потребовал. А до этого, что не показывал вообще? Прошел год-полтора, разве он вообще не показывал? Как я потребовал его, почему - не знаю.

ШВЕРНИК. Вы говорите о том, что после ареста Берия в июле 1953г. члены Президиума ЦК постановили - уничтожить все эти документы.

МАЛЕНКОВ. Верно, в 1953 году.

ШВЕРНИК. Вы уничтожили документы, которые были сфабрикованы. При вскрытии сейфа Кобулова Шаталиным был обнаружен протокол о Маленкове. Этот документ т.Шаталин скрыл от ЦК КПСС и передал его Суханову.

ШАТАЛИН. Я хочу для точности сказать следующее. Здесь т.Парфентьев сказал о том, что Шаталин виноват в том, что он этот документ не передал комиссии, где были Серов, Руденко и другие. Никакой комиссии тогда не существовало, потому что это было на третий-четвертый день после ареста Берия. Сдал я его в ЦК или нет? Я его, безусловно, сдал в ЦК, т.Парфентьев. Тогда было указание Президиума, чтобы все документы в МВД на членов ЦК сдать в Президиум ЦК, что мы и сделали, в том числе и с этой бумагой. Эта бумага была обнаружена Дедовым в сейфе Кобулова.

Каким образом я об этой бумаге знаю? Работая в это время в МВД, я как-то шел по делам на заседание. Дедов ко мне подошел и говорит: вот, есть документ, найденный в сейфе Кобулова, - показание на Маленкова. Все это дело было находу. Я этот документ не читал и сказал Дедову, чтобы он передал его Суханову, не лично, а как в то время заведующему канцелярией Президиума Центрального Комитета, т.е. поступил с этим документом так же, как мы поступали со всеми документами в отношении членов ЦК.

ШВЕРНИК. Вы говорите, что не читали этого документа?

ШАТАЛИН. Нет, не читал.

ШВЕРНИК. У нас есть другие сведения.

ШАТАЛИН. Николай Михайлович, я никаких сведений не знаю.

ШВЕРНИК. Вы говорите, что не читали, но когда вы были у меня, то говорили, что читали.

ШАТАЛИН. Я сказал также.

ШВЕРНИК. Вы сказали, что ничего не знаете.

ШАТАЛИН. О чем не знаю?

ШВЕРНИК. О документе, о чем я вас спрашивал.

ШАТАЛИН. Нет, Николай Михайлович.

ШВЕРНИК. А потом, спустя несколько дней, я сказал Кузнецову, чтобы он вас вызвал и вы там Кузнецову рассказали о том, что знаете об этом документе.

ШАТАЛИН. Это категорически неправильно, у меня память тоже есть. Когда я первый раз пришел, то меня спросили: открывал я сейф Берия или нет и что я там нашел. Я сказал, что в сейфе ничего такого не было. Но потом я сказал, что такого рода документ был и обнаружил этот документ Дедов в сейфе Кобулова.

МАЛЕНКОВ. Вы мне когда-нибудь говорили об этом документе?

ШАТАЛИН. Нет, никогда я об этом документе не говорил. Как теперь стало известно, Дедов передал этот документ Суханову. Суханов этот документ имел. Этот документ к вам попадал, вы этот документ читали и его не стало. Это мне стало известно. И я считаю это безобразием. Вы, являясь в это время членом Президиума, а еще раньше председателем Совета Министров, таким образом поступили с документами, которые, собственно, почему попали к Суханову? Потому что он являлся заведующим канцелярией. Вы ставите других людей в неудобное положение.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Почему вы не включили в опись этот документ?

ШАТАЛИН. Я вообще не включал этот документ в опись.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. А почему другие документы включили?

ШАТАЛИН. У меня была работа, я не проследил за оформлением.

МАЛЕНКОВ. Был перечень всех документов.

ШВЕРНИК. Этот документ в опись не попал.

МАЛЕНКОВ. Все документы попали.

ШВЕРНИК. В опись не попал протокол допроса Ежова?

МАЛЕНКОВ. Как выяснилось теперь, не попал.

ШВЕРНИК. Этот документ попал к Суханову.

ШАТАЛИН. Он попал к Суханову сразу.

ШВЕРНИК. Как же так, опись составили, а этот документ не попал в опись, а потом этот документ нашли у Суханова. Это говорит о том, что вы виноваты.

ШАТАЛИН. Я никогда не ходил и не хожу напопятную, но я против того, что здесь наговаривают неправильно.

ШВЕРНИК. Какой смысл наговаривать?

ШАТАЛИН. Описи никакой не составлялось. Это - единственный документ, который был обнаружен в сейфе Кобулова. Этот документ шел другим путем в отличие от других документов. Я никогда ничего не

отрицаю, то, что было - было. Я считаю, что по тому времени я к этому документу отнесся как и ко всем документам на всех членов ЦК. Так что в нынешнем свете это неправильно. Конечно, это неправильно. Но тогда у меня в голове ничего не было и никаких намерений не было.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы и т.Дедов информировали нас о том, что в это время в здании на Дзержинской площади в МВД работала комиссия т.Руденко.

ШАТАЛИН. Неправильно.

ШАТУНОВСКАЯ. Эта комиссия т.Руденко вскрыла сейф и описала все документы. По просьбе т.Дедова, мы обратились к т.Руденко с этим вопросом. Тов.Руденко официально сообщил Центральному Комитету, что он возглавлял дело вскрытия сейфа и описи документов в здании МВД. Что касается сейфа Берия в здании Кремля, там Руденко не присутствовал. Этим делом вы руководили лично. Здесь присутствовал т.Руденко, он сам это утверждал. Он говорит, что этот документ к нему не поступал и поэтому они этот документ не включили в опись. Он дал официальную справку в Центральный Комитет партии. В описях других материалов этого документа нет. Руденко этот документ не видел, ему этот документ не предъявлялся. Это официальная сторона, которую доложил т.Руденко.

ШАТАЛИН. Это неправильно.

ШАТУНОВСКАЯ. Мы даже не знали, что т.Руденко был в комиссии. Мы узнали об этом от вас и Дедова. Это во-первых.

ШАТАЛИН. От меня не могли знать.

ШАТУНОВСКАЯ. Во-вторых, Дедов сказал, что этот документ он показывал вам.

ШАТАЛИН. Правильно.

ШАТУНОВСКАЯ. Что документ был найден в сейфе Кобулова и предъявлен вам.

ШАТАЛИН. Правильно.

ШАТУНОВСКАЯ. Этот документ был предъявлен Дедовым вам. Расхождения между вами и Дедовым состоят в том, что вы говорите, что вы сказали Дедову, чтобы он отдал этот документ Суханову, а Дедов говорит, что вы этот документ взяли.

ШАТАЛИН. Это неправильно.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы говорите, что этот документ в руках держали, он был у вас. Это были собственноручные показания Ежова на т. Маленкова. Это заявляете вы и это заявляет т. Дедов. Расхождения состоят в том, что вы просили Дедова отнести этот документ Суханову, а он говорит, что вы этот документ взяли. Более того, Суханов в своих показаниях пишет, что перед тем, как ему принесли документ, был звонок от Шаталина и вы сказали, что мы нашли документ на вашего хозяина, куда его девать? Суханов говорит, что давайте сюда.

ШАТАЛИН. Категорически отрицаю.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы говорите, что Руденко не было в здании МВД, а Руденко говорит, что он был.

ШАТАЛИН. Не был, надо проверить по числам.

ШАТУНОВСКАЯ. Руденко это письменно подтверждает.

ШАТАЛИН. Это и я могу написать. Я еще раз должен подтвердить то, что говорил. Во-первых, т. Шатуновская, Руденко тогда, пожалуй, не был прокурором. Это было на второй-третий день после ареста Берия. Там Руденко не был и не мог быть. Все это делалось работниками аппарата Центрального Комитета. Руденко здесь совершенно не при чем. Комиссия, о которой идет речь, была значительно позже. Это было, может быть, через полгода или раньше. Поэтому Руденко не при чем, поэтому не знает и знать не может. Я еще раз заявляю, что дело было на третий-четвертый день после ареста Берия. Документы эти обнаружил т. Дедов в сейфе Кобулова. Действительно он мне эти документы на ходу показал и я их не читал.

ШАТУНОВСКАЯ. т. Руденко пишет на бланке прокурора: опись материалов, изъятых в личном сейфе Берия от 1 июля 1953 года. Составили: Руденко и Дедов, лист дела 21. Это от 1 июля, а вы говорите через полгода.

ШАТАЛИН. Руденко я не видел, а имел дело с Дедовым. Дедов мне показал этот материал, а как он передал я просто не знаю. Потом выяснилось, что просто без оформления.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Вы докладывали ЦК о том, что вы обнаружили в сейфе?

ШАТАЛИН. Мы докладывали общие вопросы, что на членов ЦК имеются такого рода документы.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. А о протоколе допроса Ежова о Маленкове не сказали.

ШАТАЛИН. Мы персонально не говорили о документах. Мы доложили, что имеются такие-то документы на членов ЦК. Нам сказали, что нужно их передать в архив Политбюро для хранения.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Но не сказали, что обнаружили протокол допроса Ежова.

ШАТАЛИН. Нужно факты исторически расценивать. О них не говорили по тому времени. Почему я должен был об этом деле говорить? В некоторых выступлениях отдельных товарищей сказано было, что Берия, как только сел и забрал власть, стал под Маленкова в свою очередь подкоп вести. Есть ли на этот счет документы - я не могу ручаться, я же не расписывался.

ШВЕРНИК. Вы не говорите, какие были документы, вы по существу отвечайте.

ШАТАЛИН. Я по существу отвечаю.

ШВЕРНИК. Вы сказали, что документ, который был передан Дедовым, он был у вас.

ШАТАЛИН. Куда передан?

ШВЕРНИК. Был у вас и у Дедова, а затем направлен к Суханову.

ШАТАЛИН. Нет, я не направлял Суханову, Дедов направлял его, но это не имеет значения.

ШВЕРНИК. Вы же говорите, что читали этот документ? У вас же документ был?

ШАТАЛИН. Был, я не отрицаю, но я его не читал. Дедов говорит, что там пустяки, ничего особого нет. Тогда надо прочитать то, что я написал, я на этом настаиваю. Наоборот, Дедов подошел и я его спросил, читал он или нет, а сам я не читал, а потом Дедов сказал, что этот документ отдал Суханову. Этот документ я видел две минуты.

МАЛЕНКОВ. Я понимаю так дело, что в июле 1953г. был найден документ т.т. Шаталиным и Дедовым. Я его, по заявлению теперь Суханова, у него потребовал в 1955г. Так получается, когда я был снят, т.е. спустя полтора года. Верно, так я понял по обстановке. Я теперь спрашиваю товарищей, давайте по-человечески рассудим, если я знал об этом документе в июле 1953г., почему я тогда его не уничтожил? Зачем хранить такой опасный документ?

ШВЕРНИК. Вы сами себе задайте этот вопрос.

МАЛЕНКОВ. Может быть, услужливые этот документ уничтожили? Может быть, этот документ был уничтожен, я не знаю. Может быть, его надо поискать в архиве. Но ничего подобного не было, потому что

протоколы, заявления, касающиеся членов Президиума ЦК, было решено уничтожить, даже без просмотра. Это было в 1953г. и этот документ мог быть спокойно уничтожен, никто его не смотрел совершенно. Я написал в своем объяснении по поводу заявления, протокола Ежова. Мне товарищ Сталин говорил, что он с ним разговаривал обо мне и мне тогда т. Сталин сказал, что вы можете быть спокойны. Я этот документ не читал и не представлял себе, но я сейчас допускаю, что Ежов мог начать дело против меня и меня обвинял в организации подготовки убийства т. Кагановича.

КУЗНЕЦОВ. Суханов дает другое объяснение и я расскажу как это произошло. Суханов говорит, что это был протокол, в котором Ежов показывает вашу вину в арестах и истреблении целого ряда руководящих работников партии. Такой уличающий протокол от Ежова получил Берия на вас и держал все годы.

МАЛЕНКОВ. В сейфе Кобулова?

КУЗНЕЦОВ. Мы рассматриваем сейф Кобулова и Берия как один сейф. Суханов пишет, что там были собственноручные показания Ежова.

МАЛЕНКОВ. Неотпечатанные?

КУЗНЕЦОВ. Нет, от руки написанные Ежовым, какую роль вы играли в арестах, допросах группы руководящих деятелей нашей партии в 1937г. Вот такой страшный документ. В чем там дело? Если бы этот документ попал в опись, то он был бы сдан и все подписали товарищи, кто смотрел этот сейф. Но что получилось? Этот документ не вошел в опись, его взял заведующий секретариатом Суханов. А когда вас сняли, вы стали просматривать, какие есть документы, и Суханов принес вам этот документ. Этот документ вовремя не вошел в опись, и он уничтожен. Суханов пишет: я предложил Маленкову об этом документе доложить на Президиуме ЦК и уничтожить этот документ так же, как уничтожались и другие документы. А вы ему ответили: как там будут уничтожать, я не знаю, дай мне этот документ, и больше он к нему не вернулся. Вот такова история этого документа.

МАЛЕНКОВ. Ну, что вы.

ШВЕРНИК. Я еще напомню. При вскрытии сейфа Берия и Кобулова Шаталиным после ареста Берия был обнаружен протокол собственноручных показаний Ежова на Маленкова.

ШАТАЛИН. Это неправильно написано.

ШВЕРНИК. Этот документ скрыл Шаталин от ЦК КПСС и передал его Суханову.

ШАТАЛИН. Это неправильно.

ШВЕРНИК. Суханов тоже не отрицает, что такой документ был у него, а потом 3 января 1955г. Суханов передал т.Маленкову этот протокол показаний Ежова. Маленков должен сказать, где находится этот документ. Вот о чем идет речь.

МАЛЕНКОВ. Было заявление об особой тюрьме тов.Хрущеву и по поводу этих документов в 1955г.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Но оно не раскрывает содержание этих документов. А сейчас спрашивают, где находится этот документ.

ШВЕРНИК. Никто не отрицает, что этот документ был, а в описи его нет.

МАЛЕНКОВ. А сейчас хорошо искали?

ШВЕРНИК. Вам надо искать.

ШАТАЛИН. Это неправильно написано.

ШВЕРНИК. Я думаю, что вы не хотите говорить, т.Шаталин, как было дело с передачей документа т.Маленкову.

ШАТАЛИН. Я категорически возражаю против такой постановки вопроса. Шаталин никогда ни от кого ничего не скрывал и от ЦК ничего не скрывал в жизни. Шаталин еще раз заявляет, что документ, о котором идет речь, Дедов обнаружил в сейфе Кобулова. Мне он показал этот документ, я его не читал. Я Дедова спросил, что там написано. Он сказал - ничего особенно. Я сказал Дедову: пойдите и передайте все документы Суханову, не как личности, а как заведующему канцелярией. Мы ему передавали и все другие документы на членов Центрального Комитета. Действительно, я не проверил, как произошло оформление этой передачи. Этого я не сделал. Я не смотрел и по другим документам как все это записывается. При той обстановке я этому документу, конечно, особого внимания не уделил, потому что была другая обстановка. Вы сейчас с нынешних позиций обвиняете меня в том, что я скрыл от ЦК. Я категорически отрицаю.

ШВЕРНИК. У нас позиции одни и те же, но суть этих позиций разная, потому что вы забываете, вы чувствуете свою вину и хотите избавиться от этого вместо того, чтобы по-партийному сказать правду.

ШАТАЛИН. Я никакой вины не чувствую.

ШВЕРНИК. Вы скрываете.

ШАТАЛИН. Я только правду говорю.

ШВЕРНИК. Вы помните, что вы говорили, когда я вас первый раз вызывал? Вы мне ничего не сказали. И только потом, когда вас вызвали к т.Шатуновской и т.Кузнецову, вы сказали, что Маленков мой враг. Вы говорили это?

ШАТАЛИН. Да.

ШВЕРНИК. Вы говорили, что Маленков никогда не был вашим товарищем, что вы ждановец.

ШАТАЛИН. Я говорил, что Маленков карьеристский тип и многое делал не так, как надо было делать. Я это и могу сейчас сказать и в любое другое время. То, что вы сказали - это я считаю сверхна-тяжкой. Я тогда приходил и говорил то, что и в последующем говорил.

МАЛЕНКОВ. Для меня, в каком бы положении я ни находился, имеет значение поведение человека. Я, т.Шаталин, удивляюсь, что вы тако-го мнения обо мне. Я был министром электростанций и сравнительно незадолго до всех этих событий, которые произошли, вы мне звонили, раза два по вертушке, лично, хотели, чтобы я вас принял с тем, чтобы поговорить. Вы тогда работали в Министерстве государственного контроля. Вы тогда были в удрученном состоянии. Я думаю, что недо-стойно так вести себя.

ШАТАЛИН. Это факт, я писал заявление на этот счет.

ШВЕРНИК. Документы есть.

МАЛЕНКОВ. Мы все люди здесь сидим. Вы мне звонили тогда, зачем со мной разговаривать в таких тонах? Зачем это требуется?

ШАТАЛИН. Я вам звонил по вопросу работы.

МАЛЕНКОВ. Министру электростанций?

ШАТАЛИН. Да, по работе.

МАЛЕНКОВ. Вдумайтесь, мне никакого не было смысла держать та-кой документ полтора года, я бы его тогда раньше уничтожил. Непо-нятно, в чем здесь дело. Или услуги такие оказывали, я не исключаю этого.

ШВЕРНИК. Документ, который подписал Шаталин, я сейчас оглашу.

"При вызове в ККК при ЦК КПСС меня спросили, каким образом показания Ежова на Маленкова попали к Суханову (быв.зав.канцеля-рией Президиума ЦК) и просили ответ изложить в письменном виде.

В июне 1953 года, вскоре после ареста Берия, я, будучи тогда секретарем ЦК, был временно назначен первым заместителем министра внутренних дел; в помощь мною из аппарата ЦК брались некоторые ра-ботники, в том числе т.Дедов (он заведывал отделом администра-тивных органов).

В один из дней (числа не помню), когда я шел на какое-то заседание, ко мне подошел т.Дедов и показал документ, написанный от руки, и подписан Ежовым, это и были его показания на Маленкова. Тов.Дедов пояснил, что документ обнаружен в сейфе в бывшем кабинете Кобулова. На мой вопрос, читал ли он написанное Ежовым, т.Дедов ответил утвердительно, при этом заявил, что ничего серьезного там не содержится.

Лично я документа не читал, а т.Дедову сказал, чтобы он передал его Суханову для хранения в архиве Политбюро. Это указание т.Дедовым и было выполнено.

Почему я поступил таким образом? В то время было указание Президиума ЦК о сдаче в архив Политбюро всех материалов на членов ЦК, находившихся в органах внутренних дел, что Министерством внутренних дел и было сделано. Исходя из этого, и документ с показаниями Ежова на Маленкова был направлен заведующему канцелярией Президиума ЦК Суханову.

В КПК мне указали, что я поступил неправильно, сдав документ без описи. Считаю этот упрек справедливым. Я должен был проследить за оформлением передачи документа, чего я не сделал. И объясняю это тем, что в то время все внимание было сосредоточено на вопросах, связанных с делом Берия. Кроме того, у меня и мысли не возникало, что Суханов мог так поступить с документом, ведь в архивах, находящихся под его ведением, хранились материалы исключительной государственной и партийной важности.

Поскольку речь идет о вопросах, связанных с Маленковым, считаю партийным долгом сообщить в КПК свое мнение о нем.

О Маленкове у меня сложилось мнение как об опасном карьеристе, который все свои действия подчиняет выполнению задачи - во что бы то ни стало возвыситься, при этом не пренебрегая никакими средствами. После 18 съезда партии, когда он стал секретарем ЦК, со стороны Маленкова были очень заметны высокомерие и пренебрежение по отношению к остальным секретарям ЦК. Во всех случаях и по любому вопросу он стремился захватить инициативу, разумеется, часто не попадая и в ущерб делу. Тот факт, что ничего не смысля в сельском хозяйстве, Маленков не нашел мужества отказаться в ЦК от руководства этим делом, лишний раз подтверждает его нечестное отношение к государственным вопросам и его карьеризм.

Маленков и к кадрам относился с расчетом как бы кто его не обогнал в продвижении на государственные и партийные посты. Приведу пример с т.Вознесенским. Пока он занимал среднее положение в руководящих кругах, Маленков к нему относился хорошо. В довоенное время я это наблюдал, бывая в кабинете Маленкова, когда там находился и т.Вознесенский. Достаточно было т.Сталину приблизить т.Вознесенского, как Маленков против него стал строить всякие интриги. Мне вспоминается случай, когда Берия позвонил Маленкову и из ответов последнего я понял, что речь шла о т.Вознесенском. Не уловив о каком конкретно вопросе шла речь, но Маленков по адресу Вознесенского в грубой форме сказал Берия: "Куда эта выскочка лезет". В конечном счете, как известно, Маленков и Берия расправились с т.Вознесенским.

Маленков в личных, эгоистических интересах поистине готов пройти по трупам самых близких людей. Я был возмущен до крайности, узнав, что Маленков развел свою дочь с ее мужем (сыном Шамберга) только за то, что он является дальним родственником Лозовского. Причем, как рассказывают, муж дочери изгнан был самым грубым образом. Маленков и в этом случае верен себе - как бы дальнейшее родство его семьи с Лозовским не отразилось на его карьере.

О том, что Маленков стремился захватить как можно больше власти, на мой взгляд, свидетельствует следующий факт. Несмотря на то, что он в качестве начальника управления кадров, особенно во время войны, да и в последующее время, фактически ничего не делал, тем не менее этот пост удерживал за собой. Такое положение являлось вредным и сковывало инициативу работников.

В аппарате ЦК было очень заметно неприязненное отношение Маленкова к т.Жданову. Я особенно убедился в этом на собственном примере. Тов.Жданов ко мне относился хорошо, он, по моем возвращении из Латвии, рекомендовал меня на работу инспектором ЦК, затем главным редактором журнала "Партийная жизнь". Когда Маленков вернулся из Совмина секретарем ЦК, то он долгое время не принимал меня, не рассматривал вопросы текущей работы. Из бесед с Сухановым я выяснил, что это происходит потому, что Маленков, как сказал Суханов, считает меня "ждановцем".

Считая такие действия Маленкова неправильными, я по этому вопросу писал записку в Секретариат ЦК.

Из собственного опыта могу сказать, что Маленков в целях своей карьеры может использовать человека до предела, а как только он заметит малейший, даже необоснованный сигнал об этом человеке, могущем чем-то помешать карьере Маленкова, он от такого человека немедленно отворачивается.

Вообще Маленков ненадежный и опасный человек.

16 мая 1958г. Н.Шаталин".

МАЛЕНКОВ. Я спрашиваю, зачем вы мне звонили в Министерство электростанций. О кадрах не могло быть и речи. Вы говорили: примите, я хочу поговорить с вами. У вас тогда была операция желудка, язва была. Вы звонили два или три раза и просили меня принять, встретиться с вами, поговорить. Зачем вы тогда обращались, я не понимаю? Я понимаю то, что вы пишете. Но зачем ко мне, как к министру, звонили?

ШАТАЛИН. Я звонил один раз.

МАЛЕНКОВ. Два раза звонили.

ШАТАЛИН. Я на протяжении многих лет звонил, но не просто звонил, а если звонил, то только по работе. То, что вы вели себя несоответствующим образом — это факт. Поэтому я ни в какой степени не отрицаю и не отказываюсь от того, что я написал.

ШВЕРНИК. Я думаю, что мы вернемся еще к этому вопросу.

ШАТАЛИН. Я сказал только правду.

ШВЕРНИК. Нам нужна правда партийная, а у вас ее не хватает. Вы не хотите сказать, почему передали протокол допроса Ежова Маленкову. С вами, тов.Шаталин, все кончено.

ШАТАЛИН. Хорошо.

ШВЕРНИК. Давайте дальше продолжать. Мы уже установили, что в организации особой тюрьмы у Маленкова была главная роль.

КОМАРОВ. Да, главная.

ШВЕРНИК. Да, и я бы сказал антипартийная роль. Сталину вы были очень близким человеком и если он, как вы говорите, предлагал создать тюрьму, почему вы не рассказали об этом другим товарищам, чтобы обсудить на Политбюро? Сталин в последнее время был болезненным, страдал подозрительностью, говорил всякие глупости. А вы как ближайший его друг, подогревали его. На одном из заседаний Президиума ЦК, когда вас вывели из состава секретарей ЦК, Сталин сказал, что Маленков мой друг.

МАЛЕНКОВ. Да, я помню это.

ШВЕРНИК. Вы все время были его приближенным человеком и делали не то, что надо было делать. Организовать тюрьму для партийных кадров, разве это нормально?

БОЙЦОВ. При КПК.

ШВЕРНИК. Органе, являющемся партийной совестью. При КПК и тюрьма!

АЛФЕРОВ. По существу при Центральном Комитете.

МАЛЕНКОВ. Это я признаю.

ШВЕРНИК. Это очень большое преступление.

МАЛЕНКОВ. Это правильно.

ШАТУНОВСКАЯ. Это антиленинские действия. Разве это могло быть при Ленине?

МАЛЕНКОВ. Я признаю. Вскоре было дело Абакумова.

ШАТУНОВСКАЯ. Сначала туда попал Кузнецов.

МАЛЕНКОВ. Заявление было передано мне. Я докладывал товарищу Сталину лично. Он тогда сказал мне, что Берия ничего не говорит об этом деле, так как Берия ведал органами МВД и это будет ему известно. Я сказал, что вскоре создам комиссию. Прошел не один-два дня, а больше времени, он созвал Президиум и сказал: немедленно начните и создайте дело по Абакумову. Я видел, что он не доверяет органам МВД. Он говорил об Абакумове много в этой связи. То, что говорится в отношении тюрьмы, что я виноват, я согласен. Я должен был повлиять на товарища Сталина, но я этого не сделал. Это правильно. Я не сказал ничего об этом.

ШВЕРНИК. Об этом идет речь. Давайте перейдем к следующему вопросу - о протоколах допроса Ежова и его показаниях в истреблении партийных кадров.

МАЛЕНКОВ. Я не знаю, о чем там шла речь. Если этот документ не уничтожен, то он должен быть где-то.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Суханов вам передал.

МАЛЕНКОВ. Я не хочу обвинять его в провокационных целях, я могу ошибиться. Я высказывал мнение, что Суханов был приставлен ко мне как агент. Он мог создавать ряд дел в провокационных целях. Я сейчас оглядываюсь назад и вижу, что он создавал довольно много подозрительного. Я повторяю, зачем мне надо было такой документ хранить, я его мог уничтожить раньше.

ШВЕРНИК. Раньше протокол допроса Ежова был у Берия.

МАЛЕНКОВ. После того, как его взяли - в феврале 1955г., а это было в июле 1953г. Я за эти полтора года мог уничтожить и узаконенно уничтожить. Если нет провокационного с его стороны, то мог человек забыть. Почему больше доверия ему, я не знаю. Мне, наверное, легче было бы, если бы этот документ был. Вот т.Кузнецов говорит, что мне легче было бы и я согласен. Тов.Сталин говорил о заявлениях Ежова, что он его допрашивал обо мне. Я помню это хорошо.

ШАТУНОВСКАЯ. Как же вы могли быть спокойным, если вы вместе с Ежовым организовывали истребление кадров в Белоруссии? Ежов подготовил. Вместе с Ежовым и Берия организовывалось истребление кадров в Армении. Ежов подготавливал, а вы вместе с Берия проводили. Вы не должны быть спокойными.

МАЛЕНКОВ. Я не об этом говорю. Я говорю о том, какой смысл был. Я этот документ мог уничтожить; если бы я знал об этом деле, то я его уничтожил бы в 1953-1954гг. У меня была возможность для этого. Но что происходит? К этому можно добавить следующее. Здесь либо провокация подлеца, который действует сейчас, либо забывчивость какая-то. Это нелогично.

КУЗНЕЦОВ. Логично было бы в том случае, если бы документ был включен в опись.

МАЛЕНКОВ. Все описали.

ШАТУНОВСКАЯ. Было решение Президиума об уничтожении документов. Это совершенно ясно. Но когда вы с помощью Шаталина и Дедова изъяли показания Ежова о вас, вы не предвидели, что будет такое решение.

МАЛЕНКОВ. Берия писал много документов, будучи арестованным. И тогда Президиум решил, что надо уничтожить эти документы.

ШВЕРНИК. Как могли говорить, когда не читали этих документов?

МАЛЕНКОВ. Я говорю о другом. Я больше не в состоянии ничего сказать.

ШВЕРНИК. О документе, который пропал.

КУЗНЕЦОВ. Он не может ответить, куда он делся. Суханов утверждает, что вы увезли его на квартиру.

ШВЕРНИК. Тут нужно иметь в виду следующее. Во-первых, документ был у вас, и Булганин должен это подтвердить. Я не знаю, вышел он из больницы или нет.

КУЗНЕЦОВ. Из больницы вышел, он сейчас на даче.

ШВЕРНИК. О документе, который вам прислали об особой тюрьме. БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Это должен сказать Панасенко.

ПАНАСЕНКО. В дополнение к тому, что говорил т. Парфентьев, я должен сказать следующее. Когда т. Парфентьев принес т. Булганину целый ряд документов, изъятых, это было, примерно 20-25 дел, было много дел, и он их оставил у себя. Прочитал внимательно при нас и в том числе там фигурировал документ об особой тюрьме. Об этих документах здесь говорилось. Тов. Булганин оставил эти документы у себя. Тов. Булганин придавал им большое значение и сказал: я оставляю документы у себя, посоветуюсь в ЦК, отпустил нас и сказал: вы можете быть свободны. Через некоторое время, может быть, через 5 дней - неделю, он нас вновь вызвал к себе всех четверых, в том числе был и т. Парфентьев. Из этих документов он отобрал дел 15, пачку основных дел и сказал, что эти дела вернуть по описи Маленкову, ключ от сейфа вернуть. Часть документов оставил у себя. Я не могу сказать, какие это были документы, потому что описи у меня не осталось и это было два года тому назад. Мне трудно сказать, какие это были документы. Но из всего этого ясно, что у него оставались документы об особой тюрьме, записи, о которых говорил т. Парфентьев, и остались 3-4 документа, которые здесь фигурировали. Я их взял для т. Маленкова. Булганин мне говорил, что надо составить проект письма в ЦК, чтобы ознакомить с этими документами членов Президиума. Я такое письмо по его указанию написал.

ШВЕРНИК. Это письмо есть?

ПАНАСЕНКО. Я написал письмо в ЦК КПСС при осмотре сейфа Суханова в Совете Министров. В числе других документов был обнаружен подлинник справки заместителя начальника второго отдела Главного управления подполковника Климкина. Я подготовил такое письмо и принес т. Булганину. Он его никому не давал. Вначале он посмотрел, подумал, потом воздержался и долго не подписывал, а потом все-таки подписал. У него было некоторое колебание, он хотел внести что-то в редакцию. Тов. Булганин сказал, чтобы я взял эти документы. Эти документы хранились у него в личном сейфе, здесь об этих документах говорилось, это письмо Климкина, письмо Федосеева и Абакумова. Он сказал: это лично отвезите Маленкову. Я хорошо это помню, хотя это было два года тому назад. Когда эти документы он мне передал, то поручил мне снять копию с письма Климкина и вам, т. Маленков, была послана копия, а не подлинник. Подлинник этого письма остался у т. Булганина. Это письмо касалось подслушивания.

КОМАРОВ. Значит должен быть этот материал.

ПАНАСЕНКО. Да, он оставил копию. Там речь идет о подслушивании и телефонном разговоре, в частности Жукова. Там говорилось об одном интимном разговоре Жукова с женщиной. Там речь шла о женщине и тогда т.Булганин сказал, что это надо исключить, опустить. Это я переписал по его указанию, и копия пошла к т.Маленкову вместе с письмом Федосеева и запиской Абакумова.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. А остальные документы подлинники?

ПАНАСЕНКО. Кажется, пошли все подлинники. Я в отношении копии скажу. С этими тремя документами сейчас же я вызвал машину и поехал к Маленкову в Министерство электростанций. Я приехал, подождал 10-15 минут. Тов.Маленков меня принял, читал тоже очень долго. Я дождался. Потом сказал: я подписывать не буду, у меня есть свои соображения и оставил эти документы у себя. Затем он позвонил т.Булганину. Булганин говорил с вами?

МАЛЕНКОВ. Говорил.

ПАНАСЕНКО. Как я только пришел к т.Булганину, он в это время разговаривал с т.Маленковым и заявил: вот он у меня здесь стоит. Я сказал т.Булганину, что я ездил к т.Маленкову, но он не стал подписывать сопроводительное письмо, в котором предлагалось ознакомить членов Президиума ЦК КПСС с заявлением Федосеева, запиской Абакумова и справкой Климкина.

ШВЕРНИК. А документы?

ПАНАСЕНКО. Документы оставил у себя вместе с сопроводительным письмом, подписанным Булганиным, для ознакомления вкруговую членов Президиума ЦК КПСС. Мне т.Булганин сказал, что я знаю, что эти документы у т.Маленкова, а вы занимайтесь своим делом. По характеру работы у меня были другие вопросы, и я ушел.

Теперь в отношении копии. Тут разговор был о фотокопии. Тов.Кузнецов спрашивал, были ли задания по снятию фотокопий. Я не знаю, я не снимал.

КУЗНЕЦОВ. О Жукове сняли копии, остальные в подлинниках отдали?

ПАНАСЕНКО. В подлинниках. Теперь у меня такой вопрос возникал, потому что документы были серьезные. Надо прямо сказать, что т.Булганин придавал значение этим документам. При этом был я, заведующий секретариатом Крючков и к этому вопросу возвращались. Он часто высказывался и говорил, что с этими документами делать, надо отдать т.Маленкову, он член Президиума, пусть он эти документы докладывает сам. Я спрашивал Николая Александровича раза два, а разве эти доку-

менты в ЦК не пошли? Потом я не был на Пленуме ЦК. Когда был Пленум ЦК по этому вопросу, то мне товарищи говорили, что там возникал вопрос относительно тюрьмы. Я задавал этот вопрос: разве ЦК этот вопрос неизвестен. Булганин говорит, что я передал эти документы в ЦК т.Чернухе.

МАЛЕНКОВ. Чернухе передавал?

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Тов.Чернуха говорит, что никто ему никаких документов не передавал.

ПАНАСЕНКО. Но такой разговор был.

АЛФЕРОВ. По характеру документы Федосеева и Абакумова они затрагивают кого-нибудь?

ПАНАСЕНКО. Я скажу. Там было подслушивание телефонных разговоров Жукова и Климента Ефремовича, если не ошибаюсь.

МАЛЕНКОВ. Это шло вкруговую.

ПАНАСЕНКО. Это вкруговую.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ. Вы же не подписали?

ПАНАСЕНКО. Это нигде не регистрировалось.

МАЛЕНКОВ. Это можно найти. Второй документ насчет Федосеева, на чье он был имя?

ПАНАСЕНКО. Наша роль была небольшой, что мы присутствовали, когда обнаружили документ. Существо документов знает т.Парфентьев. Он правильно говорил, но насколько я помню, то там разговор шел о том, что были недопустимые методы допроса. Федосеев жаловался.

ШАТУНОВСКАЯ. А записка Абакумова?

ПАНАСЕНКО. Я не помню, о чем она была.

ШВЕРНИК. Вы документы отвезли Маленкову и оставили их. А дальше что?

ПАНАСЕНКО. Дальше никаких следов не знаю.

ШВЕРНИК. Мы спрашиваем т.Маленкова, что это за документы были.

МАЛЕНКОВ. Я помню хорошо, об особой тюрьме безусловно был, Федосеева письмо на имя товарища Сталина, которое он дал мне для разговора и допроса, а также небольшое письмо Абакумова.

ПАНАСЕНКО. Написанное от руки.

МАЛЕНКОВ. Это арестованный пишет т.Сталину.

ШАТУНОВСКАЯ. О чем?

КОМАРОВ. Что избивают.

МАЛЕНКОВ. Нет, с просьбой, с милостью обращается к т.Сталину. Затем Жукова о подслушивании не один, а два документа. Может быть в архиве проверить. Может быть, часть этих документов вкруговую, без сопроводительной подписали Булганин и я, что читали и слушали. Это должны помнить члены Президиума ЦК. Это можно удостоверить, что Булганин и я подписали от руки, вкруговую членам Президиума. Там дело касается подслушивания.

АЛФЕРОВ. Такие невинные документы и вы помните. Булганин держал их у себя, думал, что с ними делать. Если о помиловании Абакумов писал, то это никого не затрагивает.

КОМАРОВ. Что это за порядки.

ПАНАСЕНКО. Все документы сданы, но они нигде не регистрировались.

АЛФЕРОВ. Значит, они имели какое-то значение, а другие документы регистрировались.

ПАНАСЕНКО. Я оставил копию письма.

МАЛЕНКОВ. Правильно, так было. Вкруговую подписали, Булганин это помнит.

ШВЕРНИК. Вы их оставили у себя?

МАЛЕНКОВ. Да.

ШВЕРНИК. А потом эти документы не возвратили.

МАЛЕНКОВ. Я выступал на Пленуме.

ШВЕРНИК. Что это за документы?

МАЛЕНКОВ. Это документ с приложением.

ШВЕРНИК. У нас есть сопроводилка, а документов нет.

ПАНАСЕНКО. Я спросил у т.Булганина, мне это было безразлично. Я спрашивал т.Булганина 2-3 раза. Он говорит, что они переданы т.Чернухе.

КУЗНЕЦОВ. Мы проверяли с т.Чернухой, но таких документов нет.

ПАНАСЕНКО. Он сказал несколько раз, что передал эти документы т.Чернухе.

КУЗНЕЦОВ. Если бы они были у т.Чернухи, то они нашли бы. Вы поймите, здравый смысл подсказывает. Для чего Булганин, идя на операцию в больницу, тащит сопроводительное письмо с собой и говорит Алашееву: никому не сдавать, принеси мне в больницу. Из банка все это изъяли и принесли ему в больницу. А затем эту сопроводительную из больницы КПК взял у т.Булганина.

ШВЕРНИК. Если бы копия сопроводительного письма, затребованная Булганиным в больницу, не была изъята КПК, то Булганин уничтожил бы ее и скрыл следы преступных действий Маленкова и Булганина.

ПАНАСЕНКО. Об этой бумаге я сказал т.Кузнецову. Я сказал, что эта бумага есть в секретариате. Я сказал, где найти ее.

ШВЕРНИК. Тов.Булганин лежит в больнице и берет письмо к себе, для чего?

ПАНАСЕНКО. Я не могу сказать.

ШВЕРНИК. Какая махинация производится. Человек лежит в больнице, казалось бы, лечись. Нет, он вызывает своего сотрудника и говорит: пожалуйста, привезите мне такую-то бумагу. Сотрудник приезжает с бумагой. Хорошо, что мы знали об этом. Привезли Булганину бумагу, он у себя ее держит. Когда мы узнали, что он получил эту бумагу, тогда мы у него отобрали ее. Если бы мы эту бумагу не отобрали, то вся переписка и документы, которые были, все было бы скрыто. Документ, взятый у Булганина, проливает свет на те документы, которые имеют общегосударственное значение.

ПАНАСЕНКО. Эта бумага помогает установить. Я не видел, куда делся документ по тюрьме и эти записи. Если бы не было этой бумаги, то можно было бы подумать, что она передана Маленкову. Как передал Булганин Маленкову, я не знаю.

МАЛЕНКОВ. Вы не передавали мне?

ПАНАСЕНКО. Нет.

ШВЕРНИК. Булганин послал Маленкову заявление Федосеева и записку Абакумова, чтобы совместно с Маленковым послать эти документы в ЦК КПСС. А Маленков оставил их у себя.

МАЛЕНКОВ. После этого ключи от сейфа были переданы. Идя на пленум, я взял из сейфа документы о тюрьме, личные мои заметки.

ПАРФЕНТЬЕВ. Разговор, который состоялся между Булганиным и мной, состоялся у него в Кремле. Булганин сказал, что я по этому вопросу вызову т.Маленкова и потребую от него объяснения об особой тюрьме. Это дословный разговор был. Теперь т.Маленков говорит, что не помнит, кто ему передавал документы. Как же справка Климкина попала к вам, а этих документов у вас нет? Речь идет о подслушивании телефонных разговоров. Есть стенограмма о подслушивании разговоров Жукова и на одном листе в отношении разговора Булганина с Василием Сталиным.

МАЛЕНКОВ. Это он мог оставить у себя.

ПАРФЕНТЬЕВ. Возможно.

МАЛЕНКОВ. Что касается документа, связанного с особой тюрьмой и других документов, то они были лично у меня. Идя на Пленум, я их взял.

ШВЕРНИК. Куда они делись?

МАЛЕНКОВ. Я сейчас уверен в том, что я их уничтожил после исключения меня из состава членов Пленума.

ШВЕРНИК. Это другое дело. Мы все время вокруг этого дела вертимся.

МАЛЕНКОВ. Это мною написано.

КОМАРОВ. Вы все время говорите: возможно, предположительно.

МАЛЕНКОВ. Я не только исключаю, а уверен, что так и было.

ПАНАСЕНКО. Я должен сказать, что это два разных документа. Они попали другим путем не через меня и я не могу утверждать это. По-видимому, т.Булганин передал лично сам, потому что я несколько раз видел Маленкова у Булганина. Я передал т.Маленкову только эти два документа: заявление Федосеева и записку Абакумова, которые были указаны в сопроводительном письме.

МАЛЕНКОВ. Значит, эти документы мне вместе с сейфом и ключами были переданы?

ПАНАСЕНКО. Ключи от сейфа были переданы с небольшим количеством дел т.Петраковскому, но там не было документа об особой тюрьме. У нас есть опись и там не было документа о тюрьме. Он был передан вам т.Булганиным лично.

МАЛЕНКОВ. Был у меня, я не отрицаю.

ШВЕРНИК. Какой документ в закрытом пакете от Булганина принес к вам т.Панасенко?

МАЛЕНКОВ. Видимо, этот. Какие документы были переданы мне - это можно установить, так как шли вкруговую без сопроводительных, а подписаны были мною и Булганиным.

ШВЕРНИК. Нас интересует, почему эти бумаги пропали? Их нет у вас и случайно Булганин сопроводительное письмо сохранил и взял к себе в больницу.

МАЛЕНКОВ. Что это копия бумаги?

ШВЕРНИК. Да, сопроводительного письма.

МАЛЕНКОВ. Я бы по особой тюрьме ничего не отрицал.

ШВЕРНИК. Этот вопрос у нас выяснен. Я думаю, что можно освободить т.т.Панасенко и Парфентьева.

Теперь речь идет о поведении Маленкова на новой работе, куда он выехал. Маленков приехал в Усть-Каменогорск и сразу же начал вербовать вокруг себя людей, затем ходить в гости, причем в гости ходить к таким людям, которые не заслуживают доверия. У нас есть документ, что Маленков ходил в гости к воровке, растратчице, которая растратила 10 тыс.рублей. На вечера, устраиваемые в честь Маленкова, рассылали приглашительные письма. В КПК поступили заявления от многих коммунистов Усть-Каменогорской станции, в которых они считают поведение Маленкова антипартийным.

МАЛЕНКОВ. Можно мне сказать по этому поводу? Я скажу по совести. Я приехал туда. Это большая сравнительно гидроэлектростанция. В рабочем коллективе у меня сложились хорошие, нормальные отношения. Я никогда раньше, кто меня знает, не был пьяницей. Я уже по этому поводу объяснялся в горкоме.

ШВЕРНИК. Фотографии есть.

МАЛЕНКОВ. Наверное, есть. Я это учел и подобного делать не буду, я замкнусь и не буду никого посещать. Но меня настойчиво приглашают начальники цехов, мастера. Здесь говорили о растратчице. Это - помощник директора гидроэлектростанции. У секретаря парторганизации, члена горкома я бывал на квартире. Они приглашали нас под Новый год. Я там был с Валерией Алексеевной буквально 20 минут. Настойчиво просили придти. Это была не растратчица.

КОМАРОВ. Вы там пели? (показывает фотографию).

МАЛЕНКОВ. Нет, я вообще не пою. Мы зашли. Это был интересный человек, который специально старался снять, а потом он написал заявление. Я опять утверждаю и говорю, что это агент МГБ. Меня пригласили под Новый год и я зашел туда буквально на 15-20 минут. Мы были вместе с женой. Посидели, а потом ушли. Нас настойчиво приглашали. Я потом учел все это и говорю, что никогда не буду ходить. И те говорят, вот сановник приехал и не хочет с работниками электростанции встречаться. Я бывал только у работников электростанции. Причем как я бывал? Приглашают то на именины, то по поводу приезда отца и т.д. Звонили по телефону, приходят на квартиру и просят, чтобы я к ним пришел в гости. Я им говорю, что не могу оставить одного внуочка. Мне на это отвечают: возьмите внуочка и пойдите с ним вместе. Я взял внуочка и пошел. Я просидел там часа полтора, говоря, что у меня внуочок и я не могу долго сидеть. Приехал отец - очень интересный человек. Они выпили, а я не пью, как правило. Мне налили немного красного вина. Мне не хотелось пить, да к тому же такое настроение. Вот такого рода посещения были у меня, товарищи. Причем без исключения, как правило, ко мне звонят один-два раза, потом приходят на квартиру, заходил председатель заводского комитета.

ШВЕРНИК. А как с Бурят-Монгольским театром?

МАЛЕНКОВ. Сейчас скажу. Я никакой не разложенец и не пьяница. Поверьте. Мне дорого мнение. Я по-человечески объясняю. Был такой случай. У нас есть хороший красный уголок. Мы пришли под Новый год туда. Там было человек 100 с семьями. Мы пришли с Валерией Алексеевной. Там была хорошая атмосфера, мы посидели. В этом же здании

живет сторожика. Когда мы спускались вниз, то она нас пригласила в гости и при этом заявила: сына женим, заходите к нам, посидите. Нас шло 6-7 человек, примерно. Я заявил: нет. Но она очень усиленно про-сила и сказала, что надо поздравить молодых. Они мне наливают свою местную брагу. Я говорю, что брагу не пью. Тогда они наливают кра-сного вина. Я опять заявляю, что не пью. После этого мне пришлось выпить, при этом я заявил: давайте, я узнаю, какие мысли у жениха и невесты. Я выпил половину стакана вина. Все чокнулись, я поздравил молодых и ушел. Выпил я немного. Я понимаю, что этого не нужно было делать, но избежать было трудно. Никаких элементов разложения не было, это легко проверить.

Ко мне приходят один-два рабочих и заявляют, что от них требуют письменных заявлений на меня, но они отказываются их давать. Я знаю теперь, что заявление написал агент.

Насчет Бурят-Монгольского театра. Дело было совсем не так, как здесь говорят. Это тенденциозно рассказывают. Вот, как было все в действительности. Приехал театр по разрешению городского комитета партии. Недалеко есть Общество по распространению политических и научных знаний. Бурят-Монгольский театр приехал в количестве 60 че-ловек и разъезжал по Казахстану. В качестве экскурсантов они при-ехали к нам на станцию. Мы их пропустили на станцию. Из кабинета главного инженера я спросил: как их много, надолго они приехали? Мне говорят, что они разбились на две группы, потому что делегация большая. Прошел 1 час 15 мин. - 1 час 20 мин. и мне говорят, что обе группы прошли. Тогда я решил уходить со станции. Это был послеобе-денный перерыв. Я задержался на станции немного, потому что вечером надо было работать. Оказалось, что эти экскурсанты были разбиты на 3 группы. Третья группа меня и увидела, когда я проходил через ма-шинный зал. Они увидели меня, подошли ко мне, окружили. И две груп-пы, которые уже прошли, тоже бегом сюда подбежали. Меня спрашивают: тов. Маленков, как у вас дела? Я им шутя говорю, что по-казахски го-ворю немного, а по-монгольски знаю одно слово только "верблюд". Я спросил: а зачем вы приехали? Они мне заявили, что приехали по де-лам искусства, показывали свое искусство. Буквально несколько минут поговорили. Они предложили мне сфотографироваться. Я сказал, что фо-тографироваться нельзя на станции. Тогда мне говорят: идите со стан-ции, мы за станцией сфотографируемся. Я это сделал. Выходим за пре-делы станции, видим еще едут наши товарищи. У нас на станции нет лег-ковых машин, а есть машины ГАЗ-69. Я сказал, что кто-то там едет, с двумя товарищами инженер один. И нас сняли.

Вот, что происходило с монгольской делегацией. Это было превращено в очень большое дело. Было запрещено появляться экскурсантам на станции. Был издан специальный приказ, что нельзя появляться экскурсантам на станции без разрешения "Алтайэнерго". Я был этому рад. На этой почве происходили глупости.

Или другой случай. С разрешения "Алтайэнерго" приезжают экскурсанты сельскохозяйственного техникума. Это были студенты. Я учел случай с бурят-монгольской делегацией и решил ни к каким экскурсантам не выходить совершенно. Я иду со станции, а мне говорят, что около управления собрались студенты, и они добиваются того, чтобы с вами увидеться. Я тогда пошел другим путем, через переулочек. Посидел час с небольшим. Студенты все время ждали, ходили в ложбине. Мне наша Таня говорит: Георгий Максимилианович, там студенты ходят, вас, наверное, ловят. Я пошел другим путем и вышел в управление. Там сидел студент. Я ему заявил, что к нам на станцию ходить нельзя, так как станция секретная. Только я с ним переговорил, как он убежал. В это время мне нужно было ехать на станцию. Смотрю прибегают все студенты в управление. Студенты говорят: мы хотим с вами сфотографироваться. Я говорю, что если такая провокация произойдет, то я возражаю, не хочу этого делать. Я вышел к ним и говорю: к сожалению, на станцию нельзя пройти, так как мы готовимся к паводку. Сел в машину и уехал. Эти люди жили на станции 3 дня. Это глупость.

Или другое в связи с этим. Мне объявили, чтобы я выступил на митинге. Там было тенденциозное отношение не со стороны коллектива. У нас были хорошие, прекрасные отношения с людьми, хотя и были элементы склоки. Митинг продолжался минут 15-20. Секретарь сам проводил и открывал митинг. Ему был выкрик такой: а это не культ, почему две должности занимает? Он на это толково ответил, и на этом все кончилось. Мне после этого на бюро горкома, обкома партии говорили, почему я не выступил, не дал отпор. Я считал, что не надо было привлекать к этому внимания. Одни говорят, что я сделал правильно, другие говорят, что я сделал неправильно. Многие говорили о том, что я сделал правильно. Потом проработали, сказали, что я неправильно поступил. Я сейчас убежден, что не следовало было этого делать.

Была первомайская демонстрация. Я подумал, идти или нет. Если не пойти, скажут - вот сановник какой. Я решил пойти на станцию, где дежурил с утра до вечера, не ходил на демонстрацию, потому что там могли быть любопытствующие. Вот такого рода обстановка.

В поезде я слышал такие разговоры: при Маленкове было так, а тут повышение цен на водку. Это правильная штука. Там такое пьянство, что нужно бороться с этим всеми средствами.

Я хочу сказать, что создалось несколько нездоровое, тенденциозное отношение, там был агент. Он был хороший человек, толковый парень, а потом его сделали агентом. Вот такая атмосфера была, несколько болезненная и нехорошая. Я должен об этом сказать.

Я учел все это, решил замкнуться и никуда не ходить. Я учел, что могут быть элементы всякой провокации, нехорошие элементы. Я только хотел сказать, что я не разложился, что я очень усердно работал. Станция за это время прекрасно выполняла все задания, по всем статьям. Мы получили за это время несколько премий, всесоюзных премий две-три станция получила. Почти ежемесячно мы получали премии. Я это отношу не только к себе. По себестоимости киловатт-час стоит 0,97 коп. Это единственная в стране станция с такой себестоимостью. Мы взяли в этом году обязательство иметь себестоимость ниже копейки. Потом, когда организовался совнархоз, мы получали премии от совнархоза.

Я только хотел сказать о том, чтобы было известно об этом, что я не разложился, что я там работал, я много читал, работал над соответствующими темами. Это я могу доказать и рассказать.

ШВЕРНИК. Мы должны будем обсуждать вопрос о вашем антипартийном поведении на Комитете Партийного Контроля.

МАЛЕНКОВ. Мне очень тяжело по состоянию, я не говорю об этом дома. Я бы просил, если это можно, решайте быстрее все что требуется. Я все объяснения дал. По состоянию здоровья я должен полежать.

ШВЕРНИК. Обсудим на КПК.

МАЛЕНКОВ. Решайте.

КОМАРОВ. У нас сейчас положение не такое, как было раньше, когда один Шкирятов решал.

МАЛЕНКОВ. Я просил бы, чтобы закончили быстрее это дело.

ШВЕРНИК. Сегодня на этом закончим.